

Илья ГЕЙМАН

А ЕЩЕ БЫЛ СЛУЧАЙ...

Записки репортера

IG

16+

Илья Борисович Гейман

А еще был случай...

Записки репортера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41980743

SelfPub; 2019

Аннотация

Эта книга – рассказ о бесконечном ряде приключений. Случились они с человеком, который родился в Рио-де-Жанейро и всю жизнь искал свою потерянную родину. Он как репортер уходил в дальние плавания на океанских кораблях, побывал во многих странах Европы, в Африке, дюжине штатов Америки, Мексике... Его журналистские пути протянулись от Калининграда до Камчатки, от побережья Ледовитого океана до Ташкента. И всюду он сталкивался со многим интересным, необычным, удивительным. О том, свидетелем чего был автор и как он заново обрел отчизну, эта легко написанная, увлекательная книга.

Содержание

Преамбула	4
Хмурое детство	8
Уходили мальчики на голодный фронт	15
Кто ты, мой двойник?	39
Мазурики уходят в дембель	50
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Преамбула

Родился я в городе Рио-де-Жанейро, Бразилия. Семья у нас была революционная, поэтому и имя я получил соответствующее – Ильич, в честь Ленина. Этому предшествовало одно событие. Во время массовых выступлений маму забрали в полицию и удерживали там, не выпускали на свободу. В ответ возникли новые волнения – люди возмущались тем, что беременную женщину держат в тюремной камере. Полиция пошла на попятный, мама вышла на свободу, а я в шутку рассказываю, что сидел с ней в буржуйской тюрьме, в ее чреве.

Власти реваншировались быстро – за решетку были брошены многие руководители протестных движений. Среди них был мой отец Маркус Пятигорский, мой дядя Леон и многие другие революционеры. Суд приговорил выдворить, депортировать их из страны. Мы сели на первый же пароход, уходивший в Европу, и с того момента для нас началось время скитаний. Закончилось оно в Советском Союзе. К сожалению, неблагополучно закончилось: Маркус был уже смертельно болен после истязаний в бразильской тюрьме.

Здесь нам предложили жить в городе Твери – близко от Москвы и в спокойном для больного человека месте. Однако, к несчастью, мой отец прожил недолго. Мама осталась одна с ребенком на руках в незнакомой стране, без языка.

С помощью хороших людей мы добрались до города Харькова. Там уже жили два маминых брата – писатель Сальвадор Боржес и Семен Бородин. Они тоже приехали в Советский Союз из Бразилии. Дядя Семен уже работал на заводе. К нему присоединилась и мама. Она попала в хорошую бригаду – их фотографии печатались в газете. Кстати, в той газете работал мой будущий отчим Борис Григорьевич Гейман. У этой истории получился счастливый конец – они поженились.

Шла середина тридцатых годов, зловещее время. Борис Григорьевич был направлен на работу в еврейскую газету в город Биробиджан, столицу Еврейской автономной области. Но там он был арестован, как враг народа. Арестовали и Сальвадора Боржеса – его привел в этот город энтузиазм. Однако, оказалось, что энтузиазм был хорош не для здешних мест.

Мама осталась одна с двумя детьми на руках. Мой брат Ким был совсем младенец. Перед отъездом отца в Биробиджан мы получили комнату в другом конце Харькова. Вышло так, что работать на своем заводе мама больше не могла из-за дальних переездов, и она устроилась поближе к дому – на картонажную фабрику на самую никчемную работу с мизерным заработком. А тут еще последовал новый удар: с Дальнего Востока нам пришло официальное письмо: “Ваш муж приговорен, как враг народа, к 10 годам заключения без права переписки”.

Мама оказалась мужественным человеком. Она тихо плакала и снова принялась спасать семью от голода.

Однажды нам принесли телеграмму, но она никого не заинтересовала. Приговор-то был уже известен. Мама машинально взяла депешу, прочла ее и вдруг заплакала, больше не сдерживая себя. Она показала мне листок. На нем было написано: “Вышел из больницы. Готовьтесь в дорогу.” Люди того времени понимали эзопов язык: слово больница значило на нем тюрьма.

Мы приехали в Биробиджан в 1939 году. Нас ждала комната, котоую отчим получил перед арестом. Нам показали документ: “Мы, домоуправ такой-то в присутствии свидетелей таких-то изъяли в квартире врага народа такого-то стол, примус, один стул, топчан”...

Но все эти драматические события оказались ничем перед начавшейся войной. Я оставил школу в шестом классе и поступил учеником машинного наборщика, линотиписта в местную типографию. Мама тоже пошла работать в типографию на ужасно тяжелую работу: она вручную резала рулоны бумаги, готовила ее для печатной машины.

После войны мы всей семьей переехали в город Советская гавань, а уже после этого на родину Бориса Григорьевича – в город Ригу, в Латвию.

До переезда в Прибалтику я по вечерам закончил среднюю школу, а в Риге поступил в Московский институт на редакторский факультет. И продолжал работать в типографии

– зарплаты отца для семьи не хватало. После окончания института поступил на работу корреспондентом в газету моряков торгового флота. Вскоре меня назначили начальником отдела флота. Много плавал на грузовых кораблях за рубеж в годы, когда поездка за границу была закрыта железным занавесом.

Журналистская карьера дала мне возможность побывать в более полутора десятках стран Европы, Африки, Северной, Южной и Латинской Америк, исколесить Советский Союз от Калининграда до Камчатки и от Северного ледовитого океана до Ташкента.

Кроме морской газеты я много лет работал в республиканской молодежной, а затем в главной газете республики. Открывал и собственную популярную газету во времена Горбачева.

Как только появилась возможность, мы переехали в Соединенные Штаты. К моей самой младшей сестре Ане. И здесь я продолжал заниматься журналистикой: редактировал последовательно две газеты на русском языке.

Дополню, что несколько лет читал на отделении журналистики Латвийского государственного университета курс “Теория и практика журналистики”.

Был членом Союза журналистов.

Имею звание Заслуженный журналист Латвии.

Хмурое детство

Зал известного харьковского завода ХЭМЗ был полон: люди собрались после смены на концерт воспитанников заводского детского дома.

На ярко освещенной сцене появился ведущий.

– Сейчас перед нами выступит мальчик по имени Ильич, – объявил он. – Не удивляйтесь. Так его называли родители. Он приехал к нам из далекой Бразилии.

Зрители зашептались. Раздались одобрителльные хлопки. Но тут случился конфуз: на сцену вышла маленькая девочка в цветастом платье, с копной черных кудряшек на голове.

Зал зароптал: ошибка, это не бразилец! Ведущий обернулся к приближающемуся ребенку, успокаивающе поднял руку и, улыбаясь, сказал:

– Не волнуйтесь! Это тот самый Ильич, он мальчик. Просто его одели, как девочку. Потому что у них в детдоме не нашлось мужского костюма. Одни девчоночьи. Сами знаете: мировой кризис...

Ведущий рассказал трагическую историю Ильича. О его погибшем за революцию отце, о матери, которая работает в ударной бригаде на заводе. После этого на очень слабом русском с сильным французским акцентом выступил мальчуган. Стал звонко декламировать стихи. Конечно, о Ленине, с часто повторяющимся именем Ильич.

После выступления зал овациями провожал всамделишного ребенка революции.

* * *

С маленьким Ильичом на руках они взошли на борт парохода, уплывавшего в неизвестность.

Сальвадор Боржес.

В детдом я попал не с улицы и не из воровской уличной шайки малолеток. Когда мы приехали в Харьков, мама пошла работать на ХЭМЗ, я остался без присмотра. И тогда меня пристроили в свой, заводской детский дом, в интернат.

Мое появление радости нянечкам не принесло. Я изъяснялся на своем первом в жизни языке – французском, и никто не мог понять, что я там лопочу. Мне хотелось есть, но оставался голодным. Просился на горшок, но ходил с полными штанами. Это злило взрослых и они со всей пролетарской ненавистью вколачивали в меня русский язык. Да так вколачивали, что много позже, в институте меня считали одним из лучших знатоков русского языка. Что же касается французского, то его выбили начисто. Даже воспоминаний не осталось.

Впрочем, взрослых раздражало не только это – им почему-то не нравилась и моя кучерявая прическа. Однажды к нам, в детдом пришел парикмахер. Меня усадили на стул.

Цирюльник взял машинку и безжалостно простриг прямо по середине головы широкую дорожку. Я увидел такое надругательство над собой, вырвался и убежал. Несколько часов прятался, пока голод не стал сильнее моих обид. Пришел сдаваться. И меня, несмотря на мое хныканье, обкорнали наголо.

* * *

Иногда нужно обойти весь мир, чтобы понять, что клад зарыт у твоего собственного дома.

Пауло Коэльо.

Однако, мои приключения в детском доме продолжались недолго. Мама вышла замуж, у меня появился отец и мы переехали в новую квартиру. В другой конец города, на Холодную гору.

Ну, квартирой она, по-моему, называлась только ради приличия. Просто была довольно большая комната в длинном одноэтажном доме наподобие барака. В бесконечном коридоре у каждой двери на табуретке стояли примус или керосинка. Тут была кухня. Вода и удобства – в торцах дома.

Но все-таки здесь было свое жилье, а не крохотная квартирка дяди Семена, маминого брата. Да и жили мы там в малюсенькой кухне. Помню, когда мне сказали, что у меня скоро появится брат, я спросил:

– А где он будет жить?

– В духовке, больше негде, – пошутил отец.

Жаль, счастье наше в новой квартире продолжалось недолго. Как раз в то время столица Украины из Харькова переехала в Киев. Республиканская молодежная газета на еврейском языке “Юнге гвардие”, где работал Борис Григорьевич, закрылась. Отцу предложили переехать на Дальний Восток, в областную газету в городе Биробиджане.

Борис Григорьевич уехал. Устроился на новом месте. Однако, к несчастью, нам вскоре сообщили, что он арестован, как враг народа, и приговорен к десяти годам заключения без права переписки.

Конечно, мы знали, что никаким шпионом мой отец не был. Правда, родился и жил за границей, в Латвии. Но там он, не как враг, а как друг советского народа, в подпольной типографии печатал коммунистические листовки и сбежал в Советский Союз, спасаясь от ареста рижской охранкой.

Но что мы тогда могли поделать, кому все это рассказать для его спасения?

Не задалось как-то мое детство. Надо же было такому случиться: за короткое время я потерял отца, а вслед за ним и отчима.

* * *

Лучшие времена – это те времена,

*Которые могут наступить,
Но почему-то никогда не наступают.*

Булат Окуджава.

Дом-барак на Холодной горе был построен для особого контингента. Для бывших работников КВЖД и их семей – они вернулись на родину из Китая.

КВЖД – забытая в наше время история. Хотя для многих людей – трагическая история. Аббревиатура расшифровывается как Китайско-Восточная железная дорога. Это южная ветка транссибирской магистрали. Она начиналась от Читы, шла через Манчжурию и приходила во Владивосток. Дорога была построена на стыке 19 и 20 веков, принадлежала Российской империи и обслуживалась на чужой земле ее подданными. В тридцатые годы власти СССР уступили КВЖД Японии, которая к тому времени успела захватить Манчжурию. Но до этого, в 1928 году, из Китая были высланы все советские служащие магистрали.

Их было очень много. В своей стране они стали бездомными. Для них в разных городах Советского Союза принялись строить жилье. В одном из “китайских” домов мы и получили квартиру.

Наши соседи казались нам сказочными богачами. У них мы видели по несколько пар обуви, женщины одевались в буржуйские платья и пальто. Они жили в своих комнатах особняком, с нами не общались.

Однажды пришла беда: по ночам к нашему дому подь-

езжали машины и мы слышали, как увозят наших соседей. Ночь за ночью. Одного за другим.

Дом пустел. В коридоре все меньше горело примусов. НКВД работало продуктивно. Но наступил момент, когда оно насытилось. По ночам машины приезжать перестали.

И наступил второй акт трагедии.

Наш дом стоял на самой окраине Харькова. Помнится, дальше никакого другого жилья не было. Только овраги, лесок да неширокая речка.

Зимой мы с соседскими ребятами любили кататься там на лыжах. Как-то ехал я по знакомому небольшому спуску в овраг. Неожиданно лыжи ударились о что-то твердое. Я встал с земли и пошел смотреть, что за новое препятствие появилось на лыжне. Разгребли с мальчишками снег. Видим: стоит сундук. Стали разгребать дальше – еще сундук, коробки, много узлов. Похоже, с одеждой и всяким тряпьем. Даже патефон стоит в снегу, ни во что не упакованный.

Не задумываясь, я сообразил, что это за клад...

После того, как всех, кого хотели, чекисты арестовали, наш дом снова стал оживать каждую ночь. К нам повадились грабители. Наглые, бесстрашные. Они появлялись с наступлением темноты, вскрывали какую-нибудь квартиру, начинали в ней шуровать. Мы, конечно, не видели, что они там делали с вещами и ценностями, но слышали стуки, мелодии заведенного патефона. Через какое-то время налетчики принимались орать песни и становилось понятно, что они до-

брались до спиртного – его-то у богатых людей всегда было вдоволь.

Веселье продолжалось до поздней ночи. Затем грабители исчезали со своей добычей.

А днем появлялись милиционеры. Допрашивали, составляли протоколы. Однако, вслед за ними к нам опять жаловали ночные гости и, как обычно, дом наполнялся криками и музыкой.

...Я смотрел на клад в заснеженном овраге и понимал: эти вещи наших арестованных соседей схоронили здесь грабители.

Уходили мальчишки на голодный фронт

Дыхание войны все больше чувствовалось у нас, на Дальнем Востоке, хотя мы и жили за добрый десяток тысяч километров от фронта.

Я учился в шестом классе. Каждый день нас становилось все меньше. Мои одноклассники оставляли школу, шли работать – вместо отцов, братьев, соседей. Те в эшелонах уезжали на запад, на фронт.

Однажды я пришел домой после уроков и сказал родителям:

– Иду работать, как все наши ребята...

– Куда тебе? – всполошились они. – В тринадцать лет? Ты еще ребенок!

Я настаивал на своем.

В конце-концов Борис Григорьевич не выдержал:

– Хорошо. Пойдешь работать в типографию – наборщиком на машине. Профессия редкая и очень нужная. А у нас как раз наборщиков почти не осталось. Стоит хотя бы одному заболеть, газета не выйдет.

Бориса Григорьевича на войну не взяли. На него наложили, как тогда говорили, бронь. И как крупного специалиста назначили руководить одновременно и газетным издатель-

ством, и областной типографией.

Таким образом, я пошел учиться туда, куда велел отец. Мне дали персональную машину, благо в цехе остался всего один наборщик. Он тоже получил бронь. Но стоило ему выйти из строя, газету, действительно, набирать было бы некому.

Замечу: мне как-то неловко произносить “наборщик на машине”. Так, в принципе, никто не говорит. Этот агрегат называется линотип, а тот, кто на нем работает, – линотипист. Машина очень сложная. В ней бесчисленное количество деталей. Прежде она даже считалась одной из самых сложных среди оборудования легкой промышленности страны.

Незнакомые с этим делом люди любили стоять за спиной линотиписта и удивляться тому, что перед ними происходит.

Рабочий набирает на клавиатуре текст так же, как его сегодня набирают на компьютере. Получившаяся строчка отправляется в машину и та приходит одновременно во множество движений: что-то крутится, что-то опускается, что-то движется по прямой, большой рычаг в виде коромысла что-то захватывает и переносит в другое место, поршень внутри котла с расплавленным свинцом нажимает в своем гнезде на металл... Когда удивительный хаос заканчивается, из линотипа выскакивает горячая свинцовая пластинка. На ее верхнем ребре расположены буквы, которые только что набрал линотипист. Это и есть газетная или книжная строчка. А механизм продолжает работать. Он не только выдает буквы, которые потребовал рабочий, но и в конце процесса сам

раскладывает каждую на свое место.

Словом, я начал осваивать линотип. На следующий день мне принесли набирать заметку. Повозился, разыскивая нужные буквы на клавиатуре, но заметку набрал.

Вскоре корректор принес оттиск моего первого в жизни набора. Я посмотрел и обомлел: на гранке не было чистого места – всю ее испещрили корректорские знаки, отмечавшие ошибки в тексте. Мне стало так стыдно, что не передашь. Я подумал, что с подобными результатами мне не разрешат работать на линотипе. Потом, успокоившись, подумал: я же по сути безграмотный человек, бросил школу в шестом классе. Откуда тут взяться чистой гранке? И перестал паниковать. Взял испещренный оттиск и стал смотреть свои ошибки. Смотреть и запоминать написание слов.

И не зря. Пока я учился, гранки становились все чище. Юные мозги хорошо запоминали каждый урок.

Машина, которая была закреплена за мной, отличалась от остальных, выпущенных в Ленинграде. Мой линотип был иностранцем. Его прислала в подарок биробиджанской типографии из Нью-Йорка популярная еврейская газета “Forverts”.

Никогда не перестанешь удивляться, какие фортели способна выкинуть с тобой судьба.

Через полвека после того, как я работал на американском линотипе в Биробиджане, мне в Нью-Йорке позвонили из газеты “Forverts” и предложили организовать издание с тем же

названием, но на русском языке.

Я взялся за дело. Однажды появилась потребность побывать в типографии – договориться о сотрудничестве, посмотреть бумагу и определить формат новой газеты.

Типография находилась в пригороде Нью-Йорка. Мы подъехали к входу, я открыл дверь и – о, боже! – передо мной в прихожей стоял тот самый “американец”, мой самый первый линотип. Или, во всяком случае, его брат-близнец. От нашей встречи я потерял над собой контроль, бросился к машине, принялся ее оглаживать, вертеть всякие ручки. Наверное, люди, проходившие мимо, принимали меня за городского сумасшедшего.

И все потому, что мир уже забыл о линотипах. Газетный или книжный набор делается сейчас на компьютере. Увиденного мною “американца” добрые люди не отправили на свалку. Сохранили и поставили на видном месте, как память о славном прошлом газетного дела. О тех временах, когда классный специалист набирал текст с такой скоростью, что просвета между оборотами машины не получалось. Семь газетных или журнальных строк в минуту. Столько способен был выжать из себя линотип, столько же выжимал из себя человек. Без ложной скромности скажу, что я работал именно так.

Но это произошло, позже, когда я научился, набрался опыта.

*Чем умный от глупого отличается?
Различие их за версту видать:
Умный учиться всю жизнь старается.
Глупый же вечно всех поучать.*

Эдуард Асадов.

В Биробиджане в типографии почти не было взрослых. Куда ни посмотришь, всюду детвора. И в наборном цехе, и в печатном... Работали трудно: не только знаний и сноровки не хватало, но и еды. Голод преследовал постоянно – что наяву, что во сне. Небольшой кусок хлеба по карточке да жидкий суп из столовой – вот и весь провиант.

Работал у нас вахтер Гуревич. Рыхлый пожилой человек. С заметным животом. Но вырос тот живот у него не так, как у многих людей – он уходил у Гуревича куда-то вбок и делал своего владельца каким-то ассиметричным.

Вахтер рассказывал:

– Когда я был мальчишкой, пришли к нам в местечко петлюровцы и давай громить все подряд...

Гуревич спрятался в стогу сена. Но бандиты добрались и до его убежища. Принялись тыкать в солому пиками и саблями. Искали беглецов.

Мальчишку ткнули несколько раз чем-то острым, но он не закричал, не заплакал – не выдал себя. Боялся.

Ну, а потом, когда петлюровцы ушли, взрослые вытащили паренька из стога, подлечили. Но с животом все-таки что-то неладное произошло. После пережитого он стал расти как-то не по правилам.

Сейчас Гуревич жил один, без родни, жены, детей и внуков. Да и были ли они у него... Жил на кусок хлеба по карточке, плошке жидкого супа, да собирал в столовой картофельные очистки.

На том и существовал. Зимой, когда не было дикой зелени в природе, ему приходилось особенно тяжело.

Однажды я подслушал, как разговаривал с ним Борис Григорьевич:

– Пойми меня, Гуревич. Постарайся выдержать до весны – там с едой полегчает. Не умирай, пожалуйста, сейчас. Подумай, как хоронить будем. На улице мороз. Земля крепче стали. Кто могилу сможет выкопать? Кто гроб понесет? У нас же в типографии одни дети. Да и те как скелеты от голода... Повремени, пожалуйста!

Гуревич выжил и в эту зиму, и в другие – до конца войны. А тут, кстати, ему и подмога подоспела.

Как-то утром директора остановил у входа в типографию человек в выгоревшей солдатской одежде.

- Можно у вас кое-что спросить?
- В чем дело?
- Хотел узнать, не нужны ли вам охранники...
- Вахтеры? Нужны. Вы о себе спрашиваете?

– Да...

Директор оглядел его. Одежда, действительно, солдатская, не новая. С одной стороны груди пара медалей. С другой – несколько нашивок, свидетельствующих о ранениях. Выделялась одна – тяжелое ранение. Другие – более легкие.

– Нужны вахтеры. А такие, как вы, мужчины фронтовики, особенно нужны. А то у нас мальчишки и девчонки.

Директор собрался было идти дальше, в цех, но солдат остановил его.

– А можете дать мне какую-нибудь должность в охране?

– Так там и есть должность – вахтер. У нас другой в штатном расписании нет. И зарплаты выше предусмотренной тоже нет.

– Я не о зарплате, товарищ директор. Поймите, в армии я был уважаемым человеком, старшиной... Пусть платят мне, как всем... А если я буду карнач без прибавки жалования?

– Какой еще карнач? – удивился директор.

– В армии так называют караульного начальника.

– Ну, карнач так карнач. Приходите завтра на работу.

* * *

Упавший духом гибнет раньше срока.

Омар Хайям.

Еще об одной нашей типографской достопримечатель-

ность. О лошади. Звали ее Махно. Зимой стояла она в теплом стойле, летом – во дворе, привязанная уздечкой к телеге.

Ее имя было привычной темой для разговоров. Одни убеждали, что нашу лошадь назвали в честь батьки Махно. Другие говорили, что до такого неуважения к коню никто бы не додумался. Просто человек дал будущим владельцам лошади мудрый совет. По еврейски: Мах но! Что значит: сделай, скажи: “Но!” Сейчас уже немногие знают, что именно так погоняют лошадей.

Наши рабочие любили ее. Проходя мимо по двору, гладили, угощали пучком соломы. Но однажды случилась беда. По цехам разнеслась весть:

– Махно умирает!

Люди бросились во двор. Лошадь лежала на боку и шаркала ногами. Позже мы дружно решили, что кто-то сознательно замотал уздечку вокруг шеи, Махно натянул ее и задохнулся. С какой целью? Оставить типографию без транспорта?

Пока суд да дело, директор распорядился:

– Лошадь прирежьте, пока жива. Потом разделите на столько ровных частей, сколько людей у нас работает. Пусть каждый поест мяса. Это будет достойная память нашему Махно.

И тут же пришло связанное с этим воспоминание.

Четверть века спустя после трагедии с Махно – я тогда работал в газете моряков торгового флота, – наше судно входило в огромный европейский порт Роттердам. Я зашел в хо-

довую рубку. Капитан увидел меня, сказал:

– В этом городе живет интересный старик. Не хочешь ли познакомиться?

– Кто он? – я привычно сделал стойку, почуяв хорошую журналистскую добычу.

Тут же, на мостике, капитан рассказал мне об удивительном по тем временам человеке.

Когда в Роттердам приходил какой-нибудь грузовой корабль из Советского Союза, на его борт поднимался один господин. Его знали многие. Он ходил по пароходу, заинтересованно читал стенгазету, разговаривал с командой порусски. С видимой радостью принимал угощение. С аппетитом ел корабельные харчи. А ведь не был он ни бездомным, ни обнищавшим человеком. И поди ж ты, из-за тарелки борща готов был тащиться через весь город в порт.

Не буду интриговать. Этого вечного гостя советских моряков звали Александр Сергеевич Курнатовский. Происходил он из сливок российского общества начала двадцатого века. В молодости сделал блестящую военную карьеру в царской России, дослужился до чина полковника генерального штаба. Был выпускником академии генерального штаба и пажеского его императорского величества корпуса. Там он получил первоклассное военное образование, достойное придворной и гвардейской службы.

Когда победили большевики, откатывался на юг, пока не примкнул к движению батьки Махно. Был у него начальни-

ком штаба. Ну, а затем пошли эмигрантские годы в среде бывших офицеров белой армии – в Болгарии, Южной Америке, в Париже. Голландия стала его последним привалом. Тут он женился на голландской женщине. Тут родились и выросли два его сына. Не знающие русского языка.

На исходе лет Курнатовский вышел на пенсию обеспеченным человеком. И все бы у него было хорошо, если бы не глубокая тоска по родине. И, интересное дело, эта тоска давала о себе знать чаще всего воспоминаниями о русских застольях, воображаемым запахом ржаного хлеба, послевкуси-ем от наваристых щей, расстегаев, жареных поросят, осетринки и многих других блюд русской кухни.

Эта-то тоска и приводила экс-полковника, дворянина Курнатовского на советские торговые корабли. Корабли своих кровных врагов. Там дышал он воздухом потерянной России.

– Я распоряжусь накрыть стол в твоей каюте, – закончил свой рассказ капитан. – Для начала познакомлю вас, а затем под каким-нибудь предлогом оставлю вдвоем. Разговаривайте...

Стол у меня в каюте был накрыт а ля рус. Водка – само собой. Балыки, икра, винегрет и салаты, щи и домашнее жаркое, десерт. И, конечно, ржаной хлеб. Мой визави то и дело брал кусок в руки, подносил к лицу и нюхал. Нюхал и вздыхал.

В эти мгновения он напоминал мне моего младшего бра-

та. Тот мальчишкой очень тяжело переживал нехватку хлеба во время войны. Каждый день недоедал кусочек и прятал под подушку. Так ему было спокойней. Так он сохранял надежду на благополучие завтрашнего дня. Потом эта привычка прятать хлеб под подушку сохранялась у него долго, много лет. Я не удивился бы, если бы и в эти дни обнаружил у него припрятанную горбушку.

После той встречи я еще несколько раз приходил на торговых кораблях в Роттердам, но Александра Сергеевича мне больше встретить не довелось. От знакомых моряков слышал, что он продолжал ходить на наши суда, читал стенгазеты и с аппетитом угощался борщом с черным хлебом.

* * *

Будемте остерегаться, чтобы старость не наложила больше морщин на нашу душу, чем на наше лицо.

Мишель Монтень.

Невозможно представить, как наш директор добывал питание для своих рабочих. Впрочем, и рабочие отвечали ему взаимностью: за все труднейшие годы войны газета выходила день в день, без единого срыва.

Помнится, выпросил он в исполкоме землю. Она находилась в двенадцати километрах от города. Для первого раза мы пошли смотреть ее вдвоем. Пешком.

Путь был не ближний. Мы несколько раз ложились на траву отдыхать – чувствовалось долгое испытание голодом. Мы шли, а отец фантазировал вслух: вскопаем поле, засадим семенами картофеля, вырастим и – в столовую. Когда нечего есть, суп с картошкой или пюре уже можно будет назвать питанием. И бояться не придется, что Гуревич умрет на посту.

Пришли мы на место – поле большое, ровное. Но это, увы, была целина – с пнями и твердой, спекшейся землей. Ни лопата, ни мотыга ее не возьмет.

Но то было лишь первое впечатление. Если постоянно думаешь о куске хлеба и знаешь, что в обозримом будущем тебе никто его на блюдечке не принесет, даже целины не испугаешься.

Директор оставил на выпуске газеты минимальный состав, а со всеми остальными рабочими поехал на наше поле. Раздобыл только ему известными путями гусеничный трактор и началась наша битва за урожай.

Если бы я не был участником того освоения целинного поля, ни за что бы не поверил, что это не выдумка. Землю-то все-таки вспахали, заборонили, посадили картофельные очистки вместо добротных семян. И собрали! Пусть и не рекордный, но все-таки урожай. И отдали его в столовую. И спасли нескладного Гуревича от голодной смерти. А вместе с ним и всю нашу детскую команду.

Не теряйте голову! А вдруг жизнь захочет вас еще по ней погладить.

Ежи Лец.

Если говорить всерьез, человек даже в то трудное время жил не только хлебом единым. Все хлопоты с питанием всюду, и в нашей типографии тоже, сводились к тому, чтобы у людей были силы работать, чтобы газета выходила без срывов – ведь ее ждали люди.

Наружная стена нашего цеха сплошь состояла из больших – от пола до потолка – окон. Они были у меня за спиной, когда я сидел за линотипом. В полуметре от пола окна заканчивались широкими цементными подоконниками. Я наваливал старые газеты и спал на них сном праведника, пока меня не разбудят.

Однажды под утро я повернулся к окну и увидел за ним людей. Они стояли и чего-то ждали. Их было довольно много. Я подошел, открыл окно:

– Что случилось?

– Ничего не случилось. Ждем новостей.

– Откуда?

– Он еще спрашивает – из газеты, конечно.

Новости к нам, на самый Дальний Восток шли мучительно

долго. Современных средств связи тогда еще не было. Где-то в Москве, наверное, в здании ТАСС, сидел перед радиомикрофоном человек и медленно, чуть ли не по складам читал сообщение от Советского Информбюро. У нас в редакции полусонная машинистка карандашом записывала перед репродуктором диктовку. Затем перепечатывала набело и несла на линотип, в набор.

Прежде чем начать набирать, я подходил к окну и читал людям текст. Они узнавали новости первыми в нашей области. Узнавали даже раньше газеты. Узнавали и успокаивались, либо расстраивались. Это зависело от положения на фронте.

Я хорошо понимал их чувства. У меня самого дядя Семен погиб в рабочем батальоне под Харьковом, а его жена с двумя детьми была уничтожена в гетто.

Каждый номер газеты давался нам с большим трудом. Строчки, которые мы набирали на линотипах, сходились на специальном столе – там метранпаж собирал, верстал из них газетные страницы. Расставлял по своим местам свинцовые статьи, вручную набирал к ним заголовки, добавлял клише, будущую иллюстрацию. После этого большая газетная полоса (так в типографии называют газетную страницу) готова.

Точнее, почти готова. Ее еще надо отнести в печатный цех.

В этот момент наступает нездоровая обстановка. Дело в том, что до войны приходил крепкий мужик, упирал в свой

живот тяжеленную свинцовую газетную страницу и нес, куда надо. Сейчас мужика не было, ушел на фронт. Теперь по авралу со всех концов типографии сбегались пацаны, облепляли, как муравьи, поднос с полосой и тащили к печатникам.

Коридор с разбитым цементным полом между нашими цехами был длинный. Тащить страницу было невыносимо – казалось, кишки из живота вывалятся. Каждый думал: а донесем ли до конца?

И худшее, словно черта помянули, однажды сбылось. Кто-то из мальчишек споткнулся о выбоину в цементе, потянул за собой других и... На полу лежала куча смешавшихся свинцовых строчек и рассыпанных заголовков.

Метранпаж Майзель был у нас классный – его специально из Москвы выписали. Но очень уж нервный, вспыльчивый. Увидел он рассыпанную полосу, съежился и вдруг давай биться головой о стену. Он больше всех вложил сил в эту страницу, не спал сутками, ожидая сначала расшифрованного сообщения ТАСС, а потом и готового набора для верстки.

Мы стояли растерянные, беспомощные. Понимали: газета может не выйти. Первый раз за войну. И это усилит страх людей, оставшихся без новостей с фронта.

Вдруг кто-то из ребят нерешительно сказал:

– А если собрать строчки и разложить их по статьям...

Идея показалась безумной. В другое время ему сказали бы, что он болван. Но сейчас... Когда кроме этой, вообще никаких идей не было... И невольно подумалось: может, и

правда, попробовать? Нас здесь много – по кусочку, по страничке найдем. А если чего-то не найдем, можно будет сделать свежий набор.

Дальше – просто. Сложили рассыпанные строчки столбиком, в гранки. Сделали оттиски. Затем взяли у корректоров оттиски бывшей полосы. И начали искать место каждой строчке. Пока мы занимались сизифовым трудом, отошедший от нервного приступа Майзель набрал заголовки статей, приготовился к верстке.

А тут и у нас получилось. Собралась первая статья, за ней и остальные.

Газета вышла. Может быть, и не совсем в срок, но в тот же самый день. Люди не остались без последней информации.

Если случалась пауза в работе, каждый норовил где-нибудь приспособиться поспать, хотя цех наш никак не мог сойти за уютную спальню. Он был закопчен, в воздухе стоял неистребимый запах гари. И вот почему.

Линотип сконструирован так, что в котле с металлом, из которого отливаются строчки, есть специальная грелка. У нее и форма подходящая, и отрегулирована она на нужную температуру. Но беда – во время войны грелки на машинах пришли в негодность, а новые получить было неоткуда.

Известно, что голь на выдумки хитра. Умельцы додумались использовать вместо электрической грелки... обыкновенный примус.

Сегодня уже немногие знают, что это такое. Расскажу.

Представьте себе герметичную круглую медную емкость размером с тарелку. С насосом. К ней приделаны ножки. В верхней части эти ножки изогнуты так, чтобы на них можно было поставить кастрюлю, сковороду, чайник или, если понадобится, таз. Там же, в верхней части, есть устройство с множеством отверстий по окружности. Горелка. Она-то и давала тепло тем кастрюле, чайнику, сковороде.

Это и есть примус. В него наливался керосин, насосом создавалось давление, к головке подносилась горящая спичка и появлялся хороший, плотный огонь. Чтобы он не слабел, примус приходилось время от времени подкачивать, усиливать давление.

Таким образом, умельцы решили приспособить примус вместо грелки линотипа. Но мешала им разница в росте: его горелка находилась сантиметрах в двадцати от пола, а дно котла наборной машины – около метра.

Выход был найден: горелку сняли с примуса и укрепили на конце длинной медной трубки. Другой конец прикрепили к примусу. Получился “жираф” с очень длинной шеей. Новую грелку разожгли и подвели под котел. Через некоторое время пошевелили металл – жидкий. Фокус удался. Но для полноты картины потребовались два, иногда и три примуса на одну машину. Впрочем, как бы там ни было, до конца войны линотипам тепла хватало.

А нам с лихвой хватало угара. Коптили они нещадно. За несколько лет потолок цеха стал черным. Однажды из озор-

ства я взял длинную щетку и написал на нем: “При входе снимайте галоши”. Что после этого было! Как меня песочили! Кто только мог – начальники и не начальники. Шуток в то время не понимали – время было слишком суровое. Люди изливали на меня всю накопившуюся досаду. Слава богу, хоть не уволили.

Много позже, когда война уже подходила к концу, мы узнали, что под нашим городом возник лагерь военнопленных.

Удивились: лагерь немецких военнопленных. За десять тысяч километров от заканчивавшейся войны. И даже больше: немецких военнопленных, не просто солдат и офицеров, а специалистов, мастеров.

Решили съездить туда на разведку – авось, помогут нам с грелками для линотипов?

Лагерь оказался просторным, аккуратным и хорошо ухоженным – как немецкие городки, в которых я побывал через десятки лет. Своими делами там занимались настоящие, живые немцы – все еще наши заклятые враги. На нас, дальневосточников, знавших о войне только по сводкам Совинформбюро, они произвели большое впечатление.

Но еще больше мы удивились тому, что в том же лагере были и японцы – союзники встретились под одной крышей. Правда, жизнь их здесь беззастенчиво разделила: немцы, специалисты оказались в положении господ, а японцы – в роли их прислуги.

Вернусь к цели нашего визита. Знатоков-электриков для нас нашли. Мы рассказали о своей проблеме. Как могли, начертили котел линотипа с параметрами. Они о чем-то между собой поговорили и спросили, сможем ли мы взять их с собой в типографию?

Начальство лагеря пошло нам навстречу. Не буду рассказывать, какими глазами смотрели немцы на наши закопченные стены и потолок, на мятые газеты, разложенные на подоконниках вместо простыней, на измазанных типографской краской мальчишек-рабочих, шнырявших под ногами. Тут эти люди поняли, какую цену заплатили мы за то, чтобы сами гитлеровцы коротали дни в нашем концентрационном лагере.

Немцы оказались настоящими специалистами. Через несколько дней администрация лагеря передала нам новые грелки. Мы поставили их в котлы линотипов и торжественно потушили примусы.

Война закончилась.

Еще раз я убедился в этом, когда через несколько дней случайно повернулся к окну и увидел там солдата. Он стоял и рассматривал сквозь стекло что-то в цехе.

“Смотрит, наверное, как машина крутится”, – подумал я и продолжал работать. Через некоторое время повернулся снова – солдат попрежнему стоял на месте.

Я открыл окно:

– Тебя что-то интересует?

– Знаешь, я шофер. Только на один день приехал с командиром в штаб и тут вижу – типография. А у меня как раз дело есть по этой части. Мы стоим сейчас в Манчжурии...

– Воюете?

– Уже отвоевались. Япошек кого побили, а кто сам в плен сдался.

– Так что ты хотел сказать?

– Ну, вот, в Манчжурии все машины иностранные. Мы себе в часть взяли несколько, а ездить на них нельзя. Патруль остановит, потребует разрешение управлять заграничным автомобилем, а его нет... Не мог бы сделать мне такое разрешение? Ты же типография...

– Я бы рад, да закон не разрешает.

– Какой тебе закон? Я уеду в Манчжурию к китайцам... Да я даже не знаю, как твой город называется. Если поймают с твоим документом, я же не расскажу, где взял... Не трусь, помоги.

– Хорошо, давай образец.

– Нет у меня никакого образца. Если бы был, я бы по нему и без тебя ездил.

– Тогда найди у своих ребят и приезжай завтра.

– Какой завтра? Я через несколько часов уезжаю в часть...

– Значит, ничего не получится.

– Слушай, напиши, что мне разрешено водить иностранные машины и сойдет.

Я махнул рукой, пошел к линотипу, набрал, что такой-то

(пустое место для фамилии) сдал экзамен на право водить автомобиль иностранного производства. На месте подписи – выдуманная фамилия.

С виду получилось, как казенная справка. Сделал на ручном станке несколько оттисков, отдал солдату.

– Если патруль один отберет, достанешь другой...

На лице парня было столько счастья, будто он лично только что самого Гитлера в плен взял. И я еще раз понял, что на дворе действительно мир и по законам мирного времени мне простится это невинное мошенничество.

Я вернулся к прерванной работе. Вскоре в окне снова показался мой “клиент” и замахал рукой. Я подошел. Солдат протянул что-то завернутое в бумагу и сказал:

– Это мое спасибо. Ты хороший парень. Поеду в Манчжурию машину менять...

Мне не терпелось развернуть сверток. В нем был кинжал в ножнах – наверное, трофейный. И что может быть лучше такого подарка для подростка!

* * *

Не бойтесь дарить согревающих слов

И добрые делать дела.

Чем больше в огонь вы положите дров,

Тем больше вернется тепла.

Омар Хайям.

Войну с Японией мы как-то и не считали за войну. В нашем городе разместился штаб армии, которая где-то там перешла через реку Амур и гнала японцев из Манчжурии. Мы с интересом наблюдали, как воинские эшелоны шли с европейского фронта на восток одновременно по обеим колеям транссибирской железной дороги. Из Манчжурии к нам стали приходить грузовики с китайскими продуктами. За копеечную цену или бутылку водки можно было купить пару мешков чумизы, фасоли или сои. Голод отошел на второй план.

Да и работать стало веселее. Цех освободился от копоти, примусы убрали на склад. В газете стало больше собственных материалов и мы уже меньше были привязаны к передачам ТАСС. Ну, и к счастью, к ночному сну мы стали возвращаться в свои постели в родном доме, к вкусной мамкиной стряпне.

Во дворе, в другом торце здания размещалась военная типография той армии, которая была на постое в нашем городе. Однажды к нам в вестибюль зашел генерал в очень больших чинах. С ним другие генералы – свита. Один из сопровождавших суетливо забежал вперед:

– Пройдемте сюда... Потом направо, во двор...

Генерал шагнул к проходной, но тут на его пути возник Гуревич – невысоконький, обрюзгший за последнее время, со своим нескладным животом.

– Извините, пожалуйста, – сказал он, – покажите ваш про-

пуск.

Генерал грозно посмотрел на нашего невзрачного вахтера с высоты своего гренадерского роста:

– Какой еще пропуск? Да ты знаешь, кто я? Я командующий армией...

Думается, после Петлюры наш Гуревич уже ничего в жизни не боялся. В том числе и командующих армиями.

– Извините, – сказал он и показал на открытую дверь – там, через улицу, виднелось здание штаба армии. – Вы командующий в том доме. А здесь командует наш директор. По его распоряжению я никого не должен пускать без пропуска.

Генерал грозно посмотрел на свиту:

– Где директор? Давайте его немедленно сюда!

Бориса Григорьевича нашли тут же, привели к генералу.

– Что за порядки в вашем хозяйстве! – набросился он на директора. Почему меня не пускают? Кто тут придумал пропуска для генералов?

– Не надо горячиться, – успокоил его Борис Григорьевич. – У вас в армии свои порядки, у нас – свои. Вахтер прав. Здесь режимное предприятие. Без разрешения не может пройти даже маршал.

Мы сделаем для вас исключение. Вы сейчас пройдете в армейскую типографию с одним сопровождающим. Остальные пусть подождут вас в вестибюле. Но в следующий раз позаботьтесь, пожалуйста, о пропуске заранее.

Замечательным финалом моих военных приключений

стал день, когда нас наградили медалями “За доблестный труд в Великой Отечественной войне”. Потом, через годы и десятилетия я получал разные награды, но эта медаль была главной – ее я по-настоящему выстрадал потом и кровью.

Я надел свою награду и целый день ходил по городу очень гордый с выпяченной грудью и все норовил попасть в самые людные места: пусть все знают, что и я воевал. На особом фронте, но воевал.

Ну, а что с мальчишки возьмешь – он ведь честно заслужил право гордиться собой.

Кто ты, мой двойник?

Даже самое трудное время проходит и растворяется в прошлом. Пережитое, если даже и забывается, все равно остается ничего не значащим тусклым воспоминанием.

В тот день, когда я обзавелся трофейным японским кинжалом, мне пришлось пережить, как говаривали в цирке, настоящий смертельный номер. Он, как и многое другое, забылся, и сейчас пришел на память только потому, что принялся писать эти записки.

В тот вечер ко мне в типографию пришли соседские мальчишки. Мы стояли у входа, рассматривали подаренный тесак, болтали, смеялись. К нам подошел подвыпивший офицер.

– Чего столпились? А ну, разойдись! – закричал он.

– Тротуар широкий, идите своей дорогой. Места всем хватит, – ответил я довольно резко, подбадриваемый собственным оружием – оно висело у меня на животе на брючном ремне.

– А ну, пошли отсюда! – еще громче закричал офицер и вынул из кобуры пистолет.

– Сказали тебе – иди своей дорогой, а то навалием...

Офицер шагнул ко мне, приставил наган к груди:

– Я сказал – проваливайтесь...

– Тоже мне раскомандовался в нашем городе, – подал го-

лос кто-то из ребят.

– Ну, тогда смотри, – процедил офицер и нажал на спусковой крючок.

Щелчок отозвался в моей груди, но я был абсолютно спокоен. Не осознавал, что происходит, чем я только что рисковал.

К нему бросились его приятели, скрутили руки, оттащили в сторону. И только тогда я почувствовал, что ноги мои стали ватными. Что я только что мог получить пулю в грудь. Был на волосок от смерти. Да и мои ребята тоже едва в штаны не наклали.

Позже стало известно, что в тот день закончилась война с Японией и все, у кого было оружие, палили из него куда попало.

В меня, к счастью, не попало.

Ну, это дело минувших дней. Страшное происшествие скоро забылось. Жизнь потекла туда, куда ей и положено было течь.

* * *

Глупо умирать от страха перед смертью.

Сенека.

Жизнь стала мирной. И теперь уже приходиться надо было точно к началу смены. Да и уходить на обед следовало. ко-

гда положено. Военную вольницу нужно было забыть. Верх взяла дисциплина, к которой мы, мальчишки, не были приучены.

В типографию стали возвращаться с фронта взрослые мужчины. Мы само собой, отодвинулись на задний план. Да какие мы пацаны! За годы войны успели подрасти, стали специалистами каждый в своем деле. А я и вообще не успел оглянуться, как пришло время получать паспорт. Я ждал его с большим нетерпением. Без паспорта меня не пускали на вечерние сеансы в кино и девчонки смотрели на меня из-за этого, как на сопляка.

Стал я собирать документы для милиции. В первую очередь, свидетельство о рождении.

Метрика у меня была знатная. На большом листе толстой бумаги. Потертая на сгибах. По ней можно было изучить всю мою родословную. Вплоть до того, какой цвет кожи был у моих дедушек и бабушек по отцовской и материнской линии.

Этот документ вместе с другими бумагами я отнес в милицию, в паспортный отдел. Офицер перебрал их и стал внимательно рассматривать метрику. Поднял на меня глаза:

- Что здесь написано?
- Это свидетельство о рождении...
- На каком языке?
- Португальском...
- Ты что, португалец?
- Нет...

– Ты чей? Где отец работает?

– В редакции газеты.

– Фамилия?

– Чья?

– Его, отца?

– Гейман.

– А твоя?

– Пятигорский.

– Ничего не пойму. Приходи через неделю, оформим.

Пришел через неделю.

– Еще не готово. Давай, заходи через полмесяца.

Потом мне говорили – паспорт будет готов через месяц, через два, а я все заходил и заходил...

Можно было бы терпеть еще больше – на кой ляд мне тот паспорт! Но так не терпелось почувствовать себя взрослым! Показать в кинотеатре, что имею полное право ходить на вечерние сеансы...

Поплакался отцу.

– Завтра пойдем в милицию вместе. Надо узнать, почему тебя маринуют.

На следующий день пришлось изрядно походить по кабинетам. Никто не мог объяснить, что у них случилось. Всюду говорили одно и то же:

– У нас случились трудности. Надо еще с месяц подождать.

И только когда Борис Григорьевич добрался до самого

верха, там сообщили:

– Метрика на португальском языке. Ее не только в Биробиджане, но и в Хабаровске никому не перевести. Отправили в Москву, в министерство. А оттуда нет ответа. Послали несколько запросов. Отвечают: в ближайшие дни пришлем. Но не шлют. И вот лишь сейчас все, наконец, прояснилось: ваша метрика где-то затерялась. Там организовали целое следствие, но концов найти не могут.

– А что нам делать? – спросил отец.

– Ждать...

– Но если даже в министерстве концов найти не могут...

– Есть один выход из этого запутанного дела. Не уверен, захотите ли вы им воспользоваться...

– Объясните.

– У вас с мальчиком разные фамилии. Он ваш пасынок?

– Да.

– Если бы вы его усыновили, он получил бы другую фамилию и ваше отчество. Ему и вам выдали бы соответствующие документы. Тогда их было бы достаточно для получения паспорта. Без затерявшегося свидетельства о рождении.

Как вы к этому отнесетесь?

– Я должен посоветоваться с сыном...

В коридоре Борис Григорьевич рассказал мне о предложении милиционеров и спросил:

– Ну, как?

– Конечно, я согласен.

Через пару дней я пришел получать паспорт. Раскрыл его, начал читать и бросился к окошку;

– Здесь грубая ошибка. Я написал в анкете: мое имя Ильич. Его дали мне родители при рождении. А вы написали: Илья.

– Успокойся. У нас в стране так никого не зовут – это отчество. А настоящее имя – Илья. Мы посоветовались и решили, что и ты станешь Ильей. Все равно же фамилию поменял. Будешь теперь, как новенький.

* * *

Надеяться всегда лучше, чем отчаиваться.

Иоганн В. Гете.

Как бы там ни было, история эта на новеньком паспорте не закончилась.

Лет через двадцать получил я повестку: такого-то числа я должен явиться в ОВИР. Это отдел милиции, или госбезопасности? который занимался визами за рубеж, работой с иностранцами и всякими такими делами.

Я слегка оробел. Хотя в то время я никакого отношения к заграничным визам не имел, да и иностранцем я перестал числиться в начале тридцатых годов прошлого века. Но, как мне было известно, взаимоотношения с ОВИРОм к добру не приводили. Многие люди натерпелись горя, теряли работу,

бросали профессию, карьеру, становились безработными, с которыми в отделах кадров и разговаривать не хотели. Многих из них я знал, о некоторых писал до того, как с ними случилось такое несчастье.

Тем не менее, собрался с духом и пошел по повестке, не переставая думать, где я мог проколоться.

Человек в штатском встретил меня несурово. Задал несколько вопросов о моей жизни, семье, работе. Потом спросил:

- У вас когда-то были сложности с получением паспорта?
- Да, моего первого паспорта.
- И что же случилось?

Я рассказал историю о метрике, которую никто не мог перевести с португальского. О том, как мое свидетельство о рождении потерялось в Москве и поэтому я долго был без паспорта.

- И как все-таки вы оказались с паспортом?

Мне пришлось рассказать мою историю. Об отце Маркусе Пятигорском, который умер. О втором замужестве мамы и о том, что у меня появился новый отец.

– В милиции ему посоветовали усыновить меня, дать мне свою фамилию и отчество. Это позволило милиции выдать мне паспорт без потерявшейся метрики.

Хозяин кабинета улыбнулся, пожал мне руку:

- Спасибо, вы свободны.

Я оторопел. Не мог понять, зачем меня вызывали в ОВИР.

– Это все?

– Да, все.

– Извините, не могу ли я задать вам вопрос?

– Пожалуйста...

– Вы знаете, я журналист. Профессиональный журналист.

Получаю гонорар за конкретную работу, которую выполняю.

Сейчас я сделал работу для вас: перенес свои дела, пришел

сюда, добросовестно ответил на ваши вопросы. Теперь ска-

жите: вы можете заплатить мне за это гонорар?

Собеседник молча смотрел на меня. Он, наверное, прикидывал в уме – я сумасшедший или просто придурок.

– Я вас не понимаю, – произнес он наконец.

– Объясню. Не могли бы вы в качестве гонорара рассказать мне, зачем я к вам пришел?

Хозяин кабинета облегченно улыбнулся:

– Эти сведения не для разглашения, но вам скажу. Человек, который владел вашей метрикой, найден. Теперь она в безопасном месте. А вас я пригласил, чтобы понять, как ваш документ попал к постороннему человеку.

– Значит, у меня был двойник?

– Да, с вашей необычной историей жизни, с вашим именем Ильич и фамилией Пятигорский. Это все, что я мог вам сказать...

Я понял, что спрашивать больше услышанного бессмысленно. Мне оставалось только долгие годы моей жизни пребывать в неведении о загадочном приключении с моим пас-

портом.

Вы может смеяться, но это еще не финал запутанной истории свидетельства о рождении.

Лет через шестьдесят после моего хождения за паспортом поехал я в Рио-де-Жанейро к своим родственникам. Кто-то из них поинтересовался, почему я не Пятигорский и почему не Ильич. Пришлось рассказать о злоключениях с метрикой и обо всем, что после этого произошло.

Кармен – она вдова моего двоюродного брата – поохала, посокрушалась по поводу непрофессиональной русской милиции. На том дело и кончилось.

Прошло после этого года полтора. Я снова прилетел в Бразилию. По дороге из аэропорта Кармен сказала, что меня ждет занятный сюрприз.

Дома она протянула мне большой лист бумаги.

– Что это?

– Посмотри...

Я посмотрел и обомлел: моя метрика!

– Откуда она у тебя?

Кармен рассказала.

Ей было известно, что мои родители до депортации из Бразилии жили в пансионате в районе Капокабана. Это знаменитое место в Рио-де-Жанейро. Там кварталы богатых домов и известный на весь мир пляж Капокабана.

Так вот, Кармен решила, что я должен был родиться по месту жительства родителей на Капокабана. Пошла в мест-

ную мэрию и ей без всякой волокиты выдали копию моей метрики.

Сейчас она лежит у меня в архиве, как напоминание о страстях, которые вились вокруг нее десятки лет.

* * *

*С людьми ты тайной не делись своей.
Ведь ты не знаешь, кто из них подлец.
Как сам ты поступаешь с божьей тварью,
Того же жди себе и от людей.*

Омар Хайям.

В один прекрасный день Борису Григорьевичу позвонил из Хабаровска начальник краевого управления полиграфии.

– Борис, у нас тут сложная ситуация образовалась. Некому набирать краевую газету “Тихоокеанская звезда”. Положение настолько тяжелое, что я, наверное, не выберусь из него здоровым и невредимым.

– Сочувствую. Но чем я могу помочь?

– Срочно пришли сюда в командировку одного линотиписта.

– Но у нас же тоже газета. А линотипистов раз-два и обчелся.

– Не прибедняйся. У тебя вон какой орел есть, москвич. Всю войну на себе вынес. И сынок твой крепко подрос. Его и пришли в Хабаровск. Пусть в большом городе, в столице

пооботрется. И людям поможет, и себя покажет.

Борис Григорьевич заколебался. С одной стороны, своя рубашка как бы ближе к телу. С другой, этот человек не раз во время войны сильно выручал нашу типографию...

– На сколько дней командировка?

– Скажу честно – не знаю. Набирать некому. Вопрос на контроле на самом верху. Пусть приезжает и садится за ленту. Дадут ему учеников. Выучит, и вернется домой.

– Может, мне с ним приехать?

– Зачем?

– Сын все-таки...

– Не паникуй. Он уже не ребенок. Иди, собирай вещи в дорогу.

В тот день кончилось мое детство. Началась взрослая жизнь.

Мазурики уходят в дембель

У страха глаза велики. Я с тревогой уезжал из дома – первый раз в жизни в другие края. Один, без родителей. Не представлял себе, какие еще бывают на свете типографии – больше или меньше моей? Думал, засмеют на новом месте, как нескладного недоучку.

Но, на удивление, работа в Хабаровске оказалась привычная, как дома – набирай быстрее и ошибок делай поменьше. Уж к этому-то я был привычен.

Машина мне попалась хорошая. Как я потом узнал – лучшая. Мне ее выделили не за красивые глаза, а потому, что на ней набиралась главная газета в этой типографии – “Тихоокеанская звезда”.

Стоял тот линотип в самом углу цеха. Там сходилась два больших окна – так что я не был обделен привычными зевками.

Когда пришел, на машине никто не работал. Начальник цеха – он показывал мне свое хозяйство – вопросительно посмотрел на меня. Его взгляд можно было понять без труда.

– Я только что с поезда, всю ночь ехал...

– Устал?

– Да вроде нет.

– Работать сможешь?

– Смогу, конечно...

– Как с харчами?

– Мама в дорогу собрала...

– Ну, и хорошо. Вот оригиналы статей. Все это пойдет в текущий номер газеты. Набирать их было некому, а скоро начнется верстка. Выбирай для начала, какая понравится и – вперед. Готовые гранки набора будешь выставлять вон на тот стол.

Я привычно включил машину. Набрал первую строку – свое имя для контроля. Затем заголовок статьи и все пошло, как дома, как на моем испытанном “американце”.

Вскоре за окном появились первые зрители. Да и в самой типографии любопытные нашлись. Приходили, стояли за моей спиной, смотрели. Некоторые, я думаю, оценивали.

Подошел начальник цеха:

– Не тушуйся. Посмотрят, посмотрят и уйдут. Работай спокойно...

Корректоры приносили прочитанные гранки: две-три ошибки на сто строк. Нормально!

Так и прошел первый день. К вечеру меня отвезли в общежитие. Им оказалась большая комната, разгороженная небольшой стенкой – с обеих ее сторон было открытое пространство – никаких дверей.

– Там, у окна, твоя койка, – сказал сопровождающий. – Все аккуратно. Белье чистое, свежее. Тут твоя тумбочка. Там, на столе, самовар – чайку попить.

На другой койке живет наш старший вахтер. (Карнач, по-

думал я, вспомнив солдата с фронта и Гуревича.) Он человек тихий, непьющий – мешать не будет.

Ну, устраивайся. Завтра на работу в первую смену. В восемь утра.

Попутчик мой ушел. Я принялся устраиваться, раскладывать в тумбочке свои вещи. Но тут с шумом открылась дверь и влетели две девицы.

– Здрасьте!

– Здравствуйте! – ответил я. – Вы к кому? – Я показал на вторую койку. – Здесь мужчина живет. Его нет, а я его еще и не видел. Вы к нему?

– Да домой мы! Вон там живем, – девчонки показали на отгороженный кусок комнаты.

– Послушай, – спросила одна из них, – это не тебя ли откуда-то выписали к нам в линотипный? Говорят, шикарный наборщик. Все ждут. Вон и старика от окна отогнали – тебе кровать поставили. Комендант белье, одеяло новенькие принес... Никогда такого не случалось.

– Да никто меня не выписывал. Я, действительно, линотипист и никакой я не шикарный.

– Вот и смотрю – пацан совсем, когда шику успел набраться?

Девицы ушли за загородку. Через несколько минут выглянули:

– Чаю попьешь? С нами в компанию.

– Давай.

Достал мамины припасы, отнес на стол. Скоро и чай созрел.

– Ну, будем знакомиться, – сказала одна из соседок. – Я учусь в линотипном цехе, она – в переплетном.

– Если в общежитии живете, значит, откуда-то приехали?

– Мы с зейских приисков. Поселок маленький, ничего в нем нет. И работы интересной тоже нет. Только золото, золото, золото...

Мы и решили поехать в Хабаровск, судьбу менять.

– А почему в типографии менять? Вы там, на Зее, в типографии работали?

– Да нет. Приехали, нашли на вокзале доску объявлений. А там: требуются ученицы в типографию. Мы и пришли. Спасибо, общежитие сразу дали.

– Тебе, – я показал на одну подружку, – линотип понравился?

– Очень. Интересная машина. С ней поведешься – сам умнее станешь. Только мало показывают, как на ней работать.

– Не трусь. Если будут вопросы, подходи ко мне, помогу.

– А ты как сюда попал?

– Позвонили из Хабаровска. Сказали: набирать некому. Попросили прислать помощь.

– Ты где учился? Такой молодой, а уже на помощь едешь. Значит, хорошо набираешь.

– В войну научился. Я с тринадцати лет работаю.

– Ладно, завтра посмотрим, как ты работаешь.

На следующий день ко мне подошел какой-то мужчина. Оказалось, это был тот самый начальник управления из Хабаровска, который звонил Борису Григорьевичу.

– Я смотрю, ты уже работаешь. – сказал он.

– Я и вчера работал...

– Так ты же вчера только с поезда...

– Попросили.

– Ну, и молодец. Как устроился?

– Очень хорошо. Для меня уже была подготовлена койка в общежитии. Спал без задних ног.

– Проблем нет? Никто не придирается?

– Пока никто. Времени же мало прошло. Скажите, когда моя командировка закончится?

– Ты же только-только начал работать, а уже к мамке захотел?

Я промолчал.

– Дело такое. У них здесь некому работать – надо им помочь. Мы тебе дадим двух учеников. Подтяни их хотя бы до середнячков и отправляйся домой.

Сейчас я тебе твоих учеников и вручу.

Начальник управления махнул рукой кому-то, стоявшему поодаль. Когда тот подошел, сказал:

– Давай сюда своих орлов.

Привели двух пареньков. Они были немного моложе меня. Ладные, раскованные, подтянутые ребята.

– В типографии раньше работали? – спросил я.

– Нет, не приходилось.

– Линотип, наборную машину раньше видели?

– Нет.

– Работать пришли серьезно или так, побаловаться со скуки?

– Мы решили очень серьезно.

– Тогда слушайте. Я ваш руководитель. Надолго. Может быть, на год. Так что если возникнут какие-нибудь вопросы, проблемы, трудности – сразу ко мне. То, что я буду говорить, просить сделать или распорядюсь, обязательно выполнять. Если два-три раза не будет исполнено, я откажусь вас учить и никто меня заставить не сможет.

– Все понятно?

– Да, – не совсем уверенно ответили парни.

– Тогда мы попрощаемся с этими дядьками и пойдем работать. Сегодня вы весь день будете стоять у меня за спиной. Я стану набирать завтрашний номер газеты, вы – смотреть, как это делается. Вдобавок, я весь день буду рассказывать, что такое линотип, как он устроен и как на нем работать.

Хочу сообщить: если к концу дня у кого-то из вас возникнут сомнения в своем выборе, вам не понравится эта работа, скажете прямо и никаких обид. Мы подыщем работу по душе. В типографии выбор большой.

– Я вижу, дело пошло, – похлопал меня по плечу начальник управления. – Молодец. Я спокоен.

Задачу я себе придумал нелегкую. Предстояло весь день

на высоком темпе набирать газету и умудряться вести занятия с парнишками.

По нашему общему мнению это удалось – ребята получили заряд информации. Теперь они понимали, куда и зачем пришли. А чтобы закрепить пройденное, я позволил им в виде поощрительной премии набрать свои имена и фамилии, затем отлить их на линолите. У каждого получилось по личной печати. Пусть хвастают перед приятелями.

В конце смены мы вместе вышли из типографии. Сели в скверике поболтать. Я спросил, как получилось, что они не занимаются в школе, а пошли учиться на рабочего.

Я льщу себя мыслью, что за один день парни успели поверить в меня. Во всяком случае, рассказали свою невероятную историю.

Оба они из обеспеченных семей. У одного отец генерал. Правда, у того новая семья и живет он в Москве, но щедро помогает сыну и его матери. Они ни в чем не нуждаются. У другого отец большая шишка и у него тоже дом полная чаша.

Никто из них не мог рассказать мне, что с ними случилась. То ли потребность в острых ощущениях, то ли чей-то дурной пример подействовал – они стали ворами, карманниками.

Ребята смышленные, блестяще освоили свою преступную профессию и начали жить-поживать, да добра наживать. Неизвестно как долго продолжалась бы такая вольготная жизнь, но недавно их карьере пришел неожиданный конец.

В первые послевоенные годы в стране не бывало разрослось воровство. На этом фоне Верховный Совет принял указ, по которому мелкая кража приравнивалась к крупной и за нее полагалось жестокое наказание. Много лет отсидки.

Несерьезная шушера, вроде моих карманников, бросилась врассыпную. Они поняли, что их промысел не компенсирует долгое заключение за решеткой. Мои мазурики приняли достойное решение. Они завязали с преступным прошлым и пошли осваивать рабочую профессию. Откликнулись на первое же объявление. Им повезло. Профессия ребятам попала не из худших.

– Серьезное решение? Навсегда? – спросил я у парней. – Или, когда об указе забудут, вы снова возьметесь за свое?

– Нет, мы твердо решили. Научимся, начнем зарабатывать. И жить на эти деньги, как все люди, без оглядки.

– Значит, демобилизация?

– Да, полная.

Вечером я пришел в общежитие. На звук отпираемой двери выглянула девушка, ученица из нашего цеха.

– Знаешь, что я хочу тебе сказать, – возбужденно заговорила она. – Днем у меня был вопрос, не знала, как что-то на машине сделать... Пошла к тебе спросить, а за твоей спиной два охранника стоят. Струхнула и не стала подходить.

Я расхохотался.

– Они такие же ученики, как ты. Ко мне сегодня их представили.

– Слушай, а немного борща не поешь? – спросила она так по-свойски, что я по-свойски и согласился.

С этого и возникла наша коммуна. Я сразу начал прилично зарабатывать – появилось подкрепление к их ученическим копейкам. Девчонки стряпали, варили чай. Но, главное, у нас теперь было с кем поболтать. Жизнь как бы изменилась.

При этом не было никаких заигрываний, ухаживаний. Да я и не очень понимал, что это такое. Может быть, природа еще во мне не проснулась.

* * *

*Кто умеет в буднях быть счастливым,
Тот, и впрямь, счастливый человек.*

Эдуард Асадов.

Была у меня замечательная авторучка. Трофейная. Мне привезли ее в подарок с фронта. До того я всю жизнь писал пером, которое называлось “86”. Макал его в чернильницу. А тут новенькая, блестящая самописка – хоть возьми и полижи. С золотым пером и таким же золотым зажимом для кармана.

Вспомнил я о ней потому, что в первые дни в Хабаровске собрался в театр. А как иначе? В больших городах люди всегда ходят в театр. Принаряжаются, и ходят.

С нарядами, правда, у меня дело обстояло неважно. За войну мы ничего нового не покупали. Наоборот, несколько раз выскребали, что могли, и отдавали в помощь фронту.

Теперь я оставался в потрепанном костюме, в каких-то опорках на ногах, да в латанной рубашке. Жаловаться было нечего – все тогда жили очень бедно. Да об этом и не думалось – привыкли, присмотрелись.

Словом, собрался я в театр. Посмотрел на себя критически в зеркало и вспомнил об авторучке. Подумал: она украсит пиджак и отвлечет внимание от безобразных брюк.

Пристегнул ее в наружный карман и она, действительно, засияла у меня на груди.

В театре я с гордостью поглядывал на нее, расхаживая по фойе. Заметил, что многие, пришедшие в театр, одеты не лучше меня. Правда, встречались и принаряженные, хорошо пахнущие, но их можно было по пальцам пересчитать.

В какой-то момент бросил взгляд на собственную грудь и вижу – ручки на месте нет. Я забеспокоился, поспешил к своему месту в зрительном зале, принялся искать под креслами – ручки нигде не находилось.

Для меня это было равносильно катастрофе. Расстроенный, почти не спал ночью – мысленно оплакивал утрату.

Наутро пришел на работу. Мои мазурики сразу заметили, что я не в себе, и спросили:

– Что-то случилось?

Рассказал им о ручке и о том, как она пропала.

– Может, стащили? – посмотрел я на ребят. – Слушайте, у вас, возможно, есть какие-нибудь знакомые в этой среде. Поспрашивайте, а вдруг, кто знает? Я им деньгами смогу отдать...

* * *

Сострадание есть высочайшая форма человеческого существования.

Ф. Достоевский.

Я показал парням их линотипы – каждому свой. Усадил за клавиатуры и дал задание на всю неделю: узнать, где какие буквы находятся и приучать к ним пальцы, чтобы чуткими становились и сами дорогу узнавали.

Вернулся на свое место и только успел включить машину, ко мне подошла девушка из администрации.

– Позвонили из редакции “Тихоокеанской звезды”. Просят зайти к этому человеку, – она протянула записку. – Там и адрес.

– Когда зайти?

– Сейчас.

– А работа? У меня набор в текущий номер газеты.

– Я спросила на верстке. Сказали, ничего срочного нет. Можешь идти.

– Не знаешь, зачем?

– Они не говорили.

Я пошел по адресу. В голове стучал молоточек: “Я знал, что будут ругать. Зачем вызывают – домой отошлют?”.

Шел-шел и к своему удивлению пришел к родному общежитию. Оказалось, оно стоит во дворе редакции. Вошел в здание, нашел человека по записке.

– Как поживаешь? – спросил он.

– Хорошо. Осваиваюсь.

– Знаю. В общежитии устроился. Не обижают?

– Нет, люди хорошие.

– А с питанием как?

– Хлеб по карточке. А остальное... За войну привык...

– Пора отвыкать. Знаешь, зачем я тебя позвал?

– Ругать будете?

– Да нет, ругать не за что. Наши метранпажи тебя хвалят. А дело у меня к тебе вот какое. Напротив твоего дома есть столовая. Мне кажется, она без вывески, но найти можно. Как раз напротив твоего дома. Вот, возьми письмо и передай его заведующей.

– А что потом?

– Как что потом? Потом у тебя каждый день будет еда и ты начнешь забывать свои военные привычки.

– А хлебные карточки? Они у меня останутся?

– Конечно, останутся. Это к ним приварок...

– Можно, я туда в перерыв зайду? Сейчас у меня газета, набор в номер.

– Конечно. Только не откладывай. Смотри, голодным останешься...

В обеденный перерыв понес письмо в столовую. Помещалась она в деревянном доме через неширокую улицу от моего общежития. Вывески, и впрямь, не было. Я вошел в небольшой зальчик с парой столов и буфетной стойкой. За ней виднелась кухня.

Повариха увидела меня, заулыбалась.

– Проходи, мальчик, смелее. Ты чей?

– Как это чей? – растерялся я.

– Кому ты обед берешь?

– Себе...

– Как себе? Да ты знаешь, чья это столовая?

– Нет...

– Это столовая краевого комитета партии. Так что ты, считай, не дорос для себя обеда получать. Ну, какой ты начальник?

– Да не знаю я ничего. Меня сюда прислали... С письмом...

Повариха что-то прокричала во весь голос – позвала кого-то. Пришла, как я понял, заведующая.

– Посмотрите, какой к нам кучерявенький красавчик пришел!

Заведующая подошла ко мне.

– Зачем пришел?

– У меня письмо. Сказали, чтобы я пришел по этому ад-

ресу.

– Давай, посмотрим. – Заведующая прочла, посмотрела на меня внимательно и сказала:

– Письмо из крайкома. Берем этого человека на учет.

– Кого? – всполошилась повариха. – У нас же только большие люди обедают. А он? От горшка два вершка. Слушай, паренек, ты начальник чего?

– Да ничего! И никакой я не начальник. Меня прислали в Хабаровск в типографию. У них газету набирать некому...

– Какую газету?

– “Тихоокеанскую звезду”...

– Ну, раз из крайкома письмо прислали, будем считать тебя большим человеком. Давай посуду.

– Ничего у меня нету...

– Может, сейчас поешь?

– Спасибо, – заулыбался я.

– Мне налили тарелку супа и я начал с жадностью его уплетать. Повариха стояла надо мной и говорила:

– Найди где-нибудь судки. Это кастрюли такие – одна на другую ставятся для переноски. А то сколько в тарелку нальешь? Разве тебе хватит? Вон худющий какой... Был бы судок, я бы тебе лишний черпачок и плеснула.

...Я вернулся на работу и поспешил к моей соседке – ученице в нашем цехе.

– Срочное дело. Найди подругу и подойдите ко мне. Там и расскажу.

Девочки пришли. Я рассказал им о вызове в редакцию, о письме, буржуйской столовой и о том, что нужны судки. Повариха обещала плеснуть туда больше, чем в тарелку.

– Нам на троих хватит. Но надо срочно найти эту посудину. Тогда завтра все будем с обедом. Подумайте, пошустрите. Деньги я найду. А, может, кто из местных, типографских даст на время.

* * *

Доброта лучше красоты.

Генрих Гейне.

Утром меня чуть ли не у входа в цех встретили ребята.

– Посмотри, это не твоя ли ручка?

Я взял ее и мне стало не по себе.

– Моя! Откуда?

– Да вот, нашлась...

Скажу в скобках. Позже, недели через две-три мазурики рассказали, что ручку искал весь воровской Хабаровск. По цепочке было передано: у учителя наших парней в театре увели такую-то ручку. Срок – один день.

К концу дня самописка была найдена.

С тех пор я никогда не ношу авторучку в верхнем кармане пиджака – напоказ.

...Соседки судки достали. На следующий день я во все-

оружий пошел в столовую. Повариха удивилась:

– Уже достал посуду? Какой проворный оказался!

– Да не я достал.

– А кто? Ты же без родителей здесь...

– Ругаться не будете?

– Если не украл, не буду.

– Со мной в общежитии живут две девчонки. Ученицы в типографии. Хлебные карточки у них рабочие, но зарплата ученическая, очень маленькая. Гроши. Голодают подружки. Даже домой на выходные не поедешь – у родителей подкормиться. Они родом с реки Зея. Это в Амурской области, дальше Благовещенска...

Когда вы мне сказали про судки, я им и говорю: найдите эти штуки, все вместе и поедим горячего понемногу. Вот они и достали у теток в типографии.

Повариха ругать меня не стала, но и не хвалила. Налила супу от души, спасибо ей. А в общежитии уже поджидали соседки. Суп всем пришелся по вкусу.

* * *

Забывайте обиды,

Но никогда не забывайте доброту.

Конфуций.

В цехе дела у меня шли нормально. Правда, не очень нра-

вилось работать в вечернюю смену – редко удавалось уходить домой вовремя.

Вообще-то второй смены полиграфисты сторонились чаще всего по одной причине.

Заковыка состояла в том, что Сталин предпочитал работать до поздней ночи. Москва засыпала в темных квартирах, а в известном окне в Кремле горел свет. Руководители высоких рангов присматривались: не потух ли? Они отправлялись спать не раньше, чем удостоверились, что Иосиф Виссарионович, наконец, почил.

Точно так же редакторы ежедневных газет ждали этих заветных минут: дремали за своими письменными столами до отбоя.

А отбой давало ТАСС. Оно сообщало, что прекращает работу на сегодня и срочных материалов передавать не будет. Вслед за этим отбывали по домам редактор и мы, верстальщики, корректоры, линотиписты.

Через несколько лет, уже в другом городе, я был участником изумительного приключения. Газета была готова, но ТАСС не давало отбоя. В своем кабинете задремал за столом редактор. В приемной бдительно сидел старенький курьер по фамилии Берлин. Пришел печатник, принес свежий номер газеты – ему надо было получить разрешение начать печатать тираж. Другими словами, получить резолюцию на только что отпечатанном экземпляре.

– Где редактор? – спросил он у Берлина. Тот, бдительный,

задал свой вопрос:

– Зачем он вам?

– Да тут надо на номере написать “В печать” и мы запустим машину.

– Знаете, он заснул – целый день работал, где силы взять? Давайте мне газету, я напишу, что вам надо.

Курьер написал заветные слова, расписался и печатник ушел.

Через некоторое время очнулся редактор, выглянул в приемную, спросил Берлина:

– Почему номер на подпись не несут?

– Они приносили. Газета печатается.

– А разрешение? Они без письменного разрешения не имеют права печатать.

– Он мне сказал, что надо просто написать “В печать”, я и написал. Жалко было вас будить из-за одного слова.

Это был уникальный случай, когда курьер разрешил выпуск газеты.

* * *

Сорок – старость молодости; пятьдесят – молодость старости.

Виктор Гюго.

Подошел ко мне в цехе уже знакомый начальник управле-

ния полиграфии края.

– Был у директора, решил заодно и к тебе заглянуть. Знаю, что работа у тебя клеится – директор не нахвалится. А как сам-то живешь? Может, кто обижает?

– Нет, все в порядке. Никто не ругает, уже и друзья завелись.

– А питание? Не удивляйся, что спрашиваю – отец мне названивает. К столовой тебя прикрепили?

– Еще к какой столовой!

– А ученики? Ты их не бросил?

– Пойдемте, покажу.

Мы подошли. Теперь у каждого паренька был свой лино-тип. Ребята уже довольно смело стучали по клавишам.

– Что набираем? – спросил мой собеседник у одного из учеников. Тот рассказал.

– Нравится?

– Книга, которую набираю?

– Нет, работа.

– Очень нравится.

– Не думаешь, что ошибся?

– Нет, не думаю...

– Ему уже поздно думать, – вмешался я. – Он скоро меня по темпам набора перегонит.

Мы перешли к другому пареньку. Он тоже набирал книгу.

– Трудно? – спросил начальник управления.

– Конечно, трудно, – ответил тот. – Это же работа...

Поздно вечером я возвращался домой. Пересек перекресток, до общежития рукой подать. И тут слышу – за спиной что-то упало. Оглянулся – на тротуаре в метре от меня лежит человек. Другой убегает без оглядки. Третий человек могу-чего телосложения машет ему вслед кулаком.

– Что случилось? – ошарашенно спросил я.

– Через полчаса ты лежал бы в морге – тогда бы и случилось.

– Но все-таки?

– Иду я и вижу: ты двигаешься спокойно, а те двое прибавляют ход. Подумал: что-то там неладное. Тоже прибавил ход. Догнал, когда они были уже прямо за тобой и готовились напасть сзади. Я стукнул этого, который лежит, кулаком по голове. Он и упал. Другой, ты сам видел, бросился наутек...

Я поблагодарил парня за выручку.

– Давай знакомиться. Я живу в этом доме. Там есть общежитие. Заходи ко мне, когда будет время.

Мой спаситель рассказал о себе. Он из Бийска. Это на Алтае. Наверное, там все такие здоровяки. Учится здесь, в Хабаровске, в медицинском институте. Будет доктором.

Мы подружились. Вместе шатались по городу, ходили на танцульки. Бывало, я ночевал у него в общежитии – в комнате всегда находилась пустующая койка загулявшего студента.

* * *

Если хочешь узнать человека, не слушай, что о нем говорят другие. Послушай, что он говорит о других.

Вуди Аллен.

Вызвали меня к директору. До того я его никогда не видел, не знал – добрый он или злой. Но это значения не имело – начальство, оно всегда выволочку задаст. А за что?

В кабинете у директора сидел секретарь комсомольской организации – его я знал, платил ему членские взносы. Сидели еще люди – незнакомые мне.

– У нас есть к тебе дело. – сказал директор. – Завтра будет отчетно-выборное профсоюзное собрание. Нынешний профорг уходит по семейным причинам, а заменить его некем. От войны, сам знаешь, еще не оправились. Кругом одни женщины, вдовы с детишками. Какой из них профорг?

Так вот, у нас появилась идея выдвинуть тебя от администрации, партии и комсомола в председатели профкома. Ты парень молодой, без семьи, не пьяница, хороший работник. К тебе люди по доброму относятся. Да ты еще и комсомолец...

Как отнесешься к такому предложению?

– Спасибо, но я не могу. Никогда общественными делами не занимался, да их у нас в войну и не было. Затем главное.

Меня прислали сюда, потому что некому набирать газету. Я не жалею своего времени для этого. Лишнего не остается. И потом, у меня двое учеников. За их успехами лично следит ваш начальник. Это – будущее линотипного цеха. Я уеду домой, но газета без набора не останется.

– Поверь, мы все это знаем и учли. Общественная нагрузка не будет отнимать у тебя много времени. Мы и заместителя тебе хорошего подберем – подружитесь, будет помогать.

Они назвали имя того человека. Я его знал. Молодой парень, работал в печатном цехе.

Словом, уговорили.

Вечером меня поджидал в общежитии мой приятель-студент. С первого взгляда я понял: он чем-то расстроен.

– Что случилось?

– У меня хлебную карточку украли... Через несколько дней начнется сессия – на пустой желудок ее не вытянуть. А денег – одна стипендия. С ней на рынок соваться нечего.

Знаешь что я придумал? Поеду домой в Бийск. Там у родителей перезимую, а в будущем году снова сдам вступительные экзамены.

– Нет, так нельзя! – возразил я. – Надо еще подумать, поискать выход. Я бы тебе сам помог, но мой паек едим втроем, с девчонками. Приходи в обед – будем делить на четверых. Не много, но все же еда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.